

Обреченные на исход

Проблема беженства и ее решение на белорусских землях в годы Первой мировой войны

Не менее трагичной, чем непосредственные боевые действия, в истории Первой мировой войны оказалась страница, связанная с массовым исходом людей с обжитых мест. Беженцы в Российской империи появились с началом первых военных сражений, а массовый характер этот процесс принял в то время, когда маневренный период войны перерос в позиционный, когда фронт стал сплошным и, передвигаясь, все сметал на своем пути.

Михаил СМОЛЯНИНОВ,
кандидат исторических наук, доцент

Беженство было как добровольным, так и принудительным. Добровольным, прежде всего, в местах фортификационных укреплений, где сражения принимали затяжной и разрушительный характер. Принудительным – в основном по причине применения командованием русской армии тактики опустошения оставляемых территорий с целью усложнить и замедлить продвижение противника.

Принудительное выселение особенно широко применялось весной – в начале лета 1915 года, когда русская армия под ударами германских войск, имевших превосходство в вооружении, отходила вглубь страны, чтобы избежать окружения и разгрома. Население по приказу военных и гражданских властей выселялось с оставляемых территорий и должно было перед отступавшими войсками продвигаться на восток.

Однако, сняв огромные массы людей с насиженных мест, в одночасье лишив их крова и имущества, власти не подготовили плана и условий эвакуации. На первых порах беженцам не оказывалось почти никакой помощи со стороны государства. Лишь общественные организации, такие как Всероссийский земский союз (ВЗС), Всероссийский союз городов (ВСГ) и Комитет великой княжны Татьяны Николаевны (Татьянинский комитет), занимавшиеся на Северо-Западном фронте оказанием помощи больным и раненым воинам, принимали на себя попечительство и о беженцах, что было далеко не достаточным.

Естественно, принуждение к беженству вызывало у жителей западных российских регионов недовольство властью. Уже 20 июня 1915 года (тут и далее даты даны по старому стилю. – *Авт.*) прибывшие с Северо-Западного фронта в ставку Верховного главнокомандующего председатель Татьянинского комитета А. Нейдгарт и граф Велепольский доложили об «унынии, озлоблении и смуте» среди населения, порождаемых «бессистемностью эвакуационных распоряжений», «уничтожением целых селений на некоторых корпусных участках», «частного имущества без оценки и права сохранения его владельцами»; понимании населением таких действий, как «меры репрессии». Верховный тотчас же отдал распоряжение главнокомандующему Северо-Западным фронтом генералу М. Алексееву: «Прикажете все это немедленно устранить», т.е. прекратить насильственную эвакуацию и уничтожение жилья и частного имущества [1, л. 22].

Но к этому времени уже были сняты с насиженных мест и двигались на восток сотни тысяч жителей Волыни, Польши, Литвы и некоторых других западных регионов. Территория Беларуси в силу своего геополитического и военного положения уже тогда стала первым пристанищем для них. 4 июля 1915 года военные власти потребовали от губернаторов прифронтовых Житомирской, Холмской и Люблинской губерний «безотлагательно принять экстренно энергичные меры к освобождению

Першая сусветная вайна
~1914–1918~

от беженцев территории, прилегающие к линии фронта», направлять их не по железным дорогам, а «по обычным дорогам в Кобринский и Пружанский уезды», дабы не создавать помех военным перевозкам [2, л. 6].

А уже 9 июля руководство благотворительных организаций ВЗС, ВСГ и кауфмановского лазарета с тревогой сообщали из Кобрина главному начальнику снабжения армий Северо-Западного фронта генералу Н. Данилову о громадном скоплении беженцев и ежедневном прибытии все новых и новых партий. В целях предотвращения распространения заразных болезней они просили не допускать дальнейшего скопления беженцев в Кобрине, а направлять их, так как «подвод очень мало», по железной дороге в Пинск [2, л. 29]. В свою очередь, начальник Минского военного округа барон Рауш фон Траубенберг, получив известие о направлении 150 тыс. беженцев только из Плоцкой губернии, признал «невозможным скопление массы беженцев в ближайшем боевому району тылу, особенно ввиду нахождения там Ставки», и просил у генерала Данилова распоряжения о «направлении всех беженцев за Днепр, в губернии, находящиеся в менее тяжелых условиях» [2, л. 9–10], на что было дано согласие.

Постепенно помощь беженцам начали оказывать и органы государственной власти. 4 июля 1915 года министр МВД князь Н. Щербатов в телеграмме губернатору Минской губернии предложил «немедленно выяснить места, где выселяемые могли бы найти... приют и заработок», выяснить виды и объемы работ, организовать в губернском и уездных городах комитеты с участием земских и городских самоуправлений и широким привлечением «лиц, могущих оказать пользу», возложив на них заботы о помещении, питании и врачебно-санитарной помощи беженцам [3, л. 498].

Следует отметить, что большую организационную работу по оказанию помощи беженцам проводили власти Минской губернии. Вопрос об их размещении в губернии 7 июля 1915 года был вынесен на рассмотрение Особого совещания, на котором было определено, что для этого пригодны только 6 уездов – Минский, Слуцкий, Игуменский, Борисовский, Бобруйский и Новогрудский, так как в Пинском, Мозырском и Речицком

уездах наблюдались случаи заболевания холерой. Предводителям дворянства так называемых благополучных уездов дали указание «созвать экстренные совещания» ранее созданных комитетов по оказанию помощи беженцам (пополнив их представителями гарнизона, врачебным персоналом и чинами ведомства земледелия и государственных имуществ), которым необходимо было разработать планы размещения и трудоустройства беженцев, наметить маршруты их передвижения из Барановичей в назначенные уезды. Также местным властям предписывалось оборудовать на станциях Барановичи продовольственный, врачебный и изоляционно-распределительный пункты для обслуживания беженцев и их «рассеивания» в уездах губернии; «озаботиться принятием исчерпывающих мер» по предоставлению беженцам работы в местах их размещения.

Участники совещания также обратились к председателю минской губернской земской управы Б. Самойленко, руководителям уездных земских управ, начальникам полиции с просьбой «оказать возможное содействие успешному осуществлению возложенной на уездные комитеты задачи» и запросили у начальника Минского военного округа 100 тыс. рублей для размещения и устройства беженцев [3, л. 499].

Спустя три недели на очередном заседании Особого совещания был рассмотрен вопрос об устройстве врачебно-питательных пунктов для немцев-колонистов и беженцев, следовавших через Минскую губернию транзитом. На нем отмечалось, что через регион должны проследовать свыше 100 тыс. человек немцев-колонистов, выселяемых из Волынской, Гродненской и других губерний внутрь России. Перевозили колонистов на общих условиях по железной дороге в основном со станций

ОБ АВТОРЕ

СМОЛЬЯНИНОВ Михаил Митрофанович.

Родился в 1940 году в д. Плоская Вершина Добринского района Липецкой области (Россия). В 1970 году окончил Минский государственный педагогический институт имени А.М. Горького. С 1970 года – старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси.

Кандидат исторических наук (1977), доцент (2010).

Автор 4 монографий, более 70 научных статей и соавтор 5 коллективных книг.

Сфера научных интересов: история Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций в Беларуси.

Пинск, Горынь на Новозыбков. По пути их следования «заботами земств» обустроили питательные и врачебные пункты. Однако имевшихся на местах врачебно-санитарных сил было «совершенно недостаточно» для тщательного осмотра немцев-колонистов, следовавших через охваченные эпидемией холеры Пинский, Речицкий и Мозырский уезды. В связи с этим «в дополнение ранее принятых мер» было принято решение «обслуживание врачебной помощью выслеляемых через Минскую губернию партий колонистов возложить» на ВЗС и ВСГ [3, л. 551].

По полученным минским губернатором сведениям, 27 июля 1915 года по Московско-Брестской дороге пешком и на подводах, со скотом и домашним скарбом через Минскую губернию следовало около 60 тыс. беженцев. Участники совещания признали, что «организация продовольственной и врачебной помощи беженцам, следующим по шоссе, нуждается в весьма существенном развитии», так как организованных питательно-врачебных пунктов в Слуцком и Бобруйском уездах было недостаточно. Поэтому было принято решение «немедленно командировать» три врачебно-санитарных отряда для обслуживания беженцев, следовавших по Московско-Брестскому шоссе от границ Гродненской до Могилевской губернии, а также организовать питательные пункты в Синявке, Лубенце, Киевичах, Лядках, Слуцке, Горках, Бобруйске.

Беженцев, следовавших железной дорогой через Минскую губернию в Смоленскую, на железнодорожных станциях обеспечивали питанием военное ведомство, а врачебной помощью – военно-санитарный надзор и врачи железнодорожного ведомства. Кроме того, было принято решение организовать питательно-врачебные пункты: по линии Александровской ж.д. на станциях Барановичи, Столбцы, Минск, Ново-Борисов; по линии Полесских ж.д. – в Пинске, Лунинце, Житковичах, Мозыре, Калинковичах; по линии Либаво-Роменской ж.д. – в Минске, Осиповичах, Бобруйске.

Оказывали помощь беженцам Всероссийские земский и городской союзы, Комитет великой княжны Татьяны Николаевны, а также национальные благотворительные организации – Белорусское общество по

оказанию помощи пострадавшим от войны, отдел которого в июле 1915 года был открыт в Минске; Общество вспомоществования евреям, пострадавшим от войны; Общество вспомоществования семействам поляков, участвующих в войне, и бедствующему польскому населению, пострадавшему от военных действий [4, с. 97–105].

На заседании Минского губернского отделения Татьянинского комитета 5 августа 1915 года при рассмотрении вопроса об оказании благотворительной помощи пострадавшим от военных действий с докладом выступил председатель отделения губернатор А. Гирс. Обрисовав движение беженцев, которое, по его словам, «с половины июля приняло огромные размеры», докладчик сообщил о принятых организационных мерах по открытию и оборудованию в пределах губернии врачебно-питательных пунктов; расселению беженцев по селам и деревням, их трудоустройству; обеспечению планомерного передвижения следовавших транзитом; отметил оказанную финансовую помощь губернскому отделению Центральным Татьянинским комитетом (10 тыс. рублей) и из военного фонда (100 тыс. рублей) на проведение этих мероприятий. В заключение А. Гирс назвал «необходимым объединение в лице отделения Комитета Великой княжны всех организаций, работающих в пределах губернии по оказанию помощи беженцам», и сделать запрос «крупной суммы из средств Комитета Ее Высочества для более или менее правильной постановки в губернии дела по призрению беженцев» [3, л. 561].

Выступивший на заседании заместитель главноуполномоченного по устройству беженцев Северо-Западного фронта член Государственной Думы А. Зарин признал, что принятые в Минской губернии меры по призрению беженцев следует считать «пока достаточными для удовлетворения их первых запросов», но в дальнейшем это «должно самым быстрым образом получить возможно широкое развитие», так как в связи с «условиями переживаемых на театре военных действий событий число беженцев ежедневно растет и немедленная эвакуация их необходима в интересах нашей армии» [3, л. 561].

Заслушав доклад председателя губернского отделения и заявление члена Государственной Думы заместителя главно-

уполномоченного по устройству беженцев, участники совещания поддержали предложение А. Гирса о слиянии губернского и уездных комитетов по призрению беженцев с отделениями Татьянинского комитета, имевшими «однородные цели»; приняли решение открыть на средства Татьянинского комитета по пути следования беженцев по Московско-Брестскому шоссе дополнительно к ранее созданным врачебно-продовольственным пунктам чайные с выдачей горячей пищи и хлеба в Городище, Лубенце, Лядках, Слуцке, Олехновичах и Симоновичах, больницу с отделением для заразных больных в Новых Дорогах, построить новые или арендовать для нужд беженцев имеющиеся в Слуцке и Бобруйске бани; предоставить председателям Слуцкого и Бобруйского отделений право арендовать прилегавшие к шоссе луга и пастбища, а также осуществлять покупку фуража для лошадей и скота беженцев, устройство кузниц и мастерских для ремонта их перевозочных средств. Кроме того, совещание обратилось с просьбой к руководству «Северопомощи» об устройстве колодцев с питьевой водой и о немедленном командировании на линию шоссе пяти врачебно-санитарных отрядов ВЗС – в Остров, Киевичи, Слуцк, Горки и Бобруйск, «ввиду полной недостаточности для обслуживания беженцев местного врачебного персонала»; одобрило решение Минского городского отделения о постройке в Минске бараков с кухнями и прачечными для размещения беженцев и рекомендовало «немедленно обратиться в городскую Управу с вопросом об устройстве больницы для лечения заразных больных беженцев на средства «Северопомощи»; предложило всем уездным отделениям «безотлагательно озаботиться постройкой бараков или поиском наемных помещений для жилья, устройством больниц и организаций снабжения беженцев теплой одеждой, лекарствами и молоком для малолетних в местах расселения, выдавая нуждающимся в экстренных случаях денежные субсидии. Для осуществления намеченных мероприятий совещание обратилось в Комитет великой княжны Татьяны Николаевны за ассигнованием губернскому отделению 340 тыс. рублей [3, л. 561].

На заседании специально было рассмотрено предложение Комитета великой

▲ В беженском лагере.
1915 год

княжны Татьяны Николаевны об открытии при отделениях Комитета особых комиссий, которые взяли бы на себя регистрацию детей беженцев школьного возраста и попечение о них. Было принято решение просить городские и уездные отделения учредить особые комиссии по регистрации и оказанию помощи учащимся беженцам. Кроме того, «принимая во внимание, что в Минске и в уездных городах Минской губернии» к этому времени было уже «сосредоточено огромное количество детей беженцев, родители которых за отсутствием средств лишены возможности определить их на платное обучение в учебные заведения», Минское губернское отделение Татьянинского комитета приняло решение просить Центральный Комитет о выделении 40 тыс. рублей «для взноса в учебные заведения за право обучения» детей беженцев, не имевших собственных средств. Выделенную сумму предполагалось распределить между Минским городским и уездными отделениями губернии [3, л. 559].

Тем временем ситуация на фронте продолжала ухудшаться. Русские войска, чтобы избежать окружения, отступали под давлением германцев. В связи с этим масса беженцев стала нарастать. «Для упорядочения движения беженцев и освобождения дорог для войск и обозов» командующий 4-й армией, занимавшей в то время центральный участок Западного фронта, 20 августа 1915 года отдал приказ, которым

▲ Очередь беженцев
возле пункта выдачи
бесплатных пайков.
1915 год

предписывалось «все пространство в тылу позиций корпусов впредь разделять на две полосы». Причем обязанность поддержания порядка движения в ближайшей к боевой линии возлагалась на войска, а далее – на начальника этапно-хозяйственного отдела штаба армии. При отступлении в новый район расположения войскам было приказано «немедленно оповещать население... о том, что всем жителям предоставляется оставаться на своих местах, а если кто хочет выселиться, то должен уходить не позже как в течение суток со времени прибытия в этот район войск и обозов». Позже этого срока предписывалось «никакого движения беженцев не только партиями, но и в одиночку не допускать» [3, л. 666].

Были определены следующие пути движения: 1) Волковыск – Зельва – Деречин – Руда Яворская – Дятлово – Новогрудок; 2) Волковыск – Слоним – Барановичи; 3) Ружаны – Слоним – Барановичи.

В свою очередь, командующий 3-й армией, войска которой занимали южный участок фронта – северное Полесье, 23 августа приказал всем желающим покинуть прифронтовую полосу по линии от Слонима по реке Щара до Огинского канала и вдоль озера Выгоновское до станции Горынь и направляться на Смоленск – Рославль [5, с. 133].

С северного участка фронта, занимаемого войсками 10-й армии, с линии Вильно – Лида беженцы направлялись на Витебск.

Следует сказать, что Витебск и Двинск уже в апреле, по сообщению витебского губернатора М. Арцимовича начальнику Виленского военного округа, были «перегружены пришлым населением», ведь туда направлялись беженцы из Гродненской губернии. «Ввиду переполнения Витебска и Двинска, других городов губернии войсками, госпиталями, беженцами», он просил «более не направлять в губернию выселяемых беженцев» [6, л. 2, 4].

Однако наступление германских войск продолжалось. В связи с этим к витебскому губернатору продолжали поступать просьбы об «оказании содействия по размещению» эвакуированных учреждений и беженцев. В частности, с этим обращались губернаторы Сувалкской, Ковенской, Курляндской и Виленской губерний. Так, 27 июля из Вильно просили о содействии в размещении направленных в Витебск учреждений Сувалкской губернии. Сюда же прибыли эвакуированные Мариинский детский приют численностью более 90 человек из Риги и сиротский приют из Ковно [6, л. 58, 80].

Кроме того, через Витебск следовали эшелоны с беженцами из Гродненской губернии, Лифляндии и Курляндии. Сообщая об этом главному начальнику военного снабжения Северо-Западного фронта, витебский губернатор отмечал, что он принимает «все возможные меры по устройству их и организации питания», а также просил об отпуске денежного кредита. И деньги в сумме 25 тыс. рублей «на питание беженцев и постройку для них барачков» были выделены [6, л. 68]. 8 июля из Риги прибыл в Витебск эшелон с выселенцами-цыганами численностью около тысячи человек с их лошадьми и повозками, а 14 июля и 27 июля – два эшелона из 24 и 32 вагонов с беженцами-евреями, для которых также было организовано питание. Причем большая часть цыган была отправлена в Витебский уезд, остальные, в том числе и составы с евреями, проследовали во внутренние губернии России. 11 июля из Двинска сообщалось об отправке в Полоцк и Витебск 43 вагонов с беженцами [6, л. 42, 49, 72].

Тем временем (11 июля) Витебская комиссия по расквартированию войск и воинских учреждений на своем заседании «пришла к заключению, что ввиду необхо-

димости расквартировать в Витебске войска и воинские учреждения, в дальнейшем не представляется возможным направлять в Витебск эвакуируемых из других городов гражданских учреждений и беженцев». Ссылаясь на это решение, гражданские учреждения Сувалкской и Ковенской губерний стали затем направлять в Рязань, Орел и Курск беженцев (с витебского направления) – «по преимуществу» в Ярославль [6, л. 50, 85, 88].

К осени 1915 года «беженский процесс» в центральной части Беларуси достиг огромного размаха. О горестном положении беженцев говорил на заседании Минского губернского отделения Комитета великой княжны Татьяны Николаевны 10 сентября председатель отделения губернатор А. Гирс. Особое внимание было обращено на тяжелое положение тех, кто передвигался на гужевом транспорте: «израсходовав взятые с собой запасы фуража и не имея возможности» купить «по пути своего передвижения, беженцы вынуждены были продавать лошадей за бесценок евреям, превращаясь в безлошадных, лишенных перевозочных средств для дальнейшего следования из Минской губернии в более отдаленные районы» [3, л. 684]. С целью облегчения их положения губернское отделение приняло решение обратиться ко всем занимающимся переселением организациям с предложением «организовать на широких началах закупку фуража и устройство на пути следования беженцев фуражных пунктов» при уже созданных врачебно-питательных пунктах. Зная, что «осуществление этой задачи» станет нелегким из-за «недостатка на местах кормовых средств», губернское отделение «признало необходимым призвать «всех чинов администрации и полиции Минской губернии», предложить им «широко» оповестить население «о возможности продать имеющиеся запасы» фуража для нужд беженцев, организовать его подвоз средствами владельца и местных жителей, а также самих беженцев «хотя бы за особую плату». Кроме того, с разрешения МВД было принято решение «просить организации по устройству беженцев использовать запасы зерна и корма общественных хлебозапасных магазинов за плату» [3, л. 684].

Принимались меры к упорядочению движения беженцев и через Минск. Так,

7 сентября заведующий этапно-транспортной частью штаба 2-й армии, предписывая командиру казачьей конной сотни выставить заставы из казаков по 10 человек каждая для регулирования движения обозов 2-й и 10-й армий на дорогах из Молодечно и Ракова, распорядился выставить заставу в пяти верстах к юго-западу от Минска (в д. Сеница) на Койдановском тракте для направления беженцев и обозов других армий (предполагались обозы 1, 3 и 4-й армий) южнее Минска, «не входя в город», на Игуменский тракт для следования к Бобруйску [3, л. 698].

В этот же день минский полицмейстер предложил приставам установить полицейские посты, чтобы направлять беженцев, въехавших в Минск с Койдановского, Раковского и Виленского трактов, через Ляховку и Серебрянку на Игуменский тракт [3, л. 701].

Однако, как показало время, принятые меры не дали ожидаемых результатов. Уже 15 сентября на специально созванном заседании Особого совещания по вопросу регулирования движения беженцев в городе Минске и его окрестностях, минский губернатор А. Гирс на основе своих «личных наблюдений и донесений подведомственных должностных лиц» изложил мрачную картину массового скопления беженцев в Минске и его окрестностях, достигавшего «нескольких десятков тысяч с детьми, повозками, лошадьми и рогатым скотом» [3, л. 758].

Чтобы облегчить положение несчастных людей, совещание «признало необходимым» просить Комитет ВЗС Западного фронта «устроить близ вокзала в помещениях бывшего склада Варшавско-Венской ж.д. убежище с врачебно-питательным пунктом для беженцев», находившихся на привокзальной территории, «где собралось уже свыше 6000 беженцев». «Для разгрузки» ее перед начальником штаба Западного фронта и представителем главноуполномоченного по устройству беженцев ходатайствовали о «крайне необходимой подаче хотя бы по одному поезду в сутки» на ж.д. станцию Минск, а также в Старые Дороги и Бобруйск, где было «огромное скопление безлошадных беженцев, достигающее многих десятков тысяч» [3, л. 759].

С наступлением осенних холодов положение переселенцев стало еще более

критическим. Было очевидно, что без организации перевозок беженцев железнодорожным путем эту проблему не решить. 1 октября в Ставке Верховного главнокомандующего под председательством начальника штаба генерала М. Алексева с участием начальников снабжения армий, главноуполномоченных по устройству беженцев, представителей управления железных дорог, министерств торговли и промышленности, губернаторов прифронтовых губерний состоялось совещание, на котором, в частности, работа железных дорог по перевозке беженцев была признана неудовлетворительной. Был отмечен целый ряд непродуманной отправки переселенцев, частые случаи задержек вагонов с ними в узлах ожидания. Констатировалось, что в Минской, Могилевской, Витебской, Смоленской и Псковской губерниях гужевым путем передвигалось 450–500 тыс. человек. Особенно много беженцев находилось между Минском и Смоленском, Гомелем и Брянском. Было принято решение организовать с 5 по 15 октября вывоз беженцев вглубь России и выделять для этого ежедневно 1200 вагонов [7, л. 519–520].

Одновременно с направлением беженцев в центральные регионы империи местные власти занимались поселением их на незанятой противником территории белорусских губерний. Наибольшее число осело в Минской губернии – 123 900, в Могилевской – 83 671, в Витебской – 52 938 человек [8, с. 136].

Как свидетельствуют «листы обследования беженцев» в Минской губернии, составленные в ходе переписи в конце 1915 – начале 1916 года, в основном это были крестьяне-хлебопашцы, выселенные из пределов губерний Царства Польского, Волынской, Сувалкской, Гродненской, Виленской, Ковенской, западных уездов Минской губерний. Измученные дальним и длительным переездом (от 300 до 400 км в течение 2–3 месяцев), почти все они (особенно многодетные семьи с маленькими детьми) не были согласны на дальнейший переезд. Лишь отдельные семьи обнадеживали власти своим согласием переехать в глубинные губернии империи, «за исключением Сибири», «весной», в места, «где можно иметь казенную работу» и т.п. Отдельные семейства (Гродненской,

Ломжской, Холмской губерний) не были согласны на переезд, надеясь на «скорое очищение их местности от врага» и возвращение к своим очагам [9, л. 372, 376].

По результатам обследования семейств беженцев можно сделать вывод, что в основном они были размещены по крестьянским хатам, где проживали совместно с хозяевами как без оплаты, так и с оплатой за жилье – обеих категорий было примерно поровну. Продовольствие, хотя и в недостаточном количестве, беженцы получали в организованных «Северопомощью», ВЗС и ВСГ питательных пунктах (Старобине, Березино, Пуховичах, Долгиново, Ракове и др.), а также от благотворительных национальных обществ и местных крестьян. Недостающие продукты многие семейства восполняли за свой счет, некоторые – путем попрошайничества. Местные жители к беженцам в основном относились «сочувственно», «доброжелательно», «миролюбиво», «снисходительно».

Трудоспособные члены семейств имели возможность применять свой труд и зарабатывать на рытье окопов, строительстве оборонительных сооружений, военном дорожном строительстве, подвозе стройматериалов, продовольствия на питательные пункты, а также в помещичьих имениях и крестьянских хозяйствах.

В имущественном отношении в основном все беженские семьи были равны. Снятые с мест проживания, они лишились всего. В осенние холода особенно остро среди них ощущалась потребность в теплой одежде и обуви. Благотворительные общества «Северопомощь», ВЗС, ВСГ оказывали поддержку путем выдачи полушубков, валенок и др., но всех обеспечить было невозможно.

Со стабилизацией линии фронта беженское движение приостановилось, хотя командование частей и соединений, находившихся на передовых позициях, по-прежнему настаивало на выселении всех беженцев и жителей «как в целях боевых, так и по санитарным соображениям, из полосы, примыкающей к позициям» [10, л. 7, 11, 21].

Таким образом, беженство мирных жителей в ходе Первой мировой войны явилось одним из самых трагичных ее последствий. В расчете на скоротечную и победоносную войну, ведение боевых дей-

ствий на территории противника российские правительственные и военные круги не сумели предвидеть такое явление. Возникнув и достигнув в ходе военных действий невиданно широких масштабов, эта проблема обнаружила неподготовленность властей к ее решению в организованном порядке. Все меры предпринимались не в порядке упреждения острых вопросов, а в ходе развития трагедии.

Большую роль в решении проблем беженского движения сыграли благотворительные общества, а также местные губернские и уездные власти и национальные благотворительные организации. Благодаря их совместным усилиям (пусть не в полной мере) удавалось облегчить участь несчастных людей. Особое место в истории этого вопроса занимает жертвенность жителей неоккупированной части белорусских губерний, разделявших с бежен-

скими семьями свой кров, скудные припасы продовольствия и фуража, одежды и обуви, в конечном счете – их участь. ─

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Фонд 2003. – Оп. 1. – Д. 1453.
2. РГВИА. – Фонд 2020. – Оп. 1. – Д. 131.
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 300. – Оп. 1. – Д. 67.
4. Лапановіч, С.Ф. Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі бежанцам у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 – кастрычнік 1917 г.) / С.Ф. Лапановіч. – Мінск, 2010. – 127 с.
5. Керсновский, А. История русской армии: 1881–1916 гг. / А. Керсновский. – Смоленск, 2004.
6. НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. – 49191.
7. РГВИА. – Фонд 2005. – Оп. 1. – Д. 42.
8. Бабков, А.М. Беженцы в Беларуси в годы Первой мировой войны (1915–1916) / А.М. Бабков // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы): тэзісы, даклады і паведамленні: у 2 ч. – Ч. 1: Гісторыя Беларусі. – Мінск, 1994.
9. НИАБ. – Фонд 323. – Оп. 1. – Д. – 886.
10. РГВИА. – Фонд 2110. – Оп. 3. – Д. 67.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Требования к оформлению научных публикаций составлены в соответствии с главой 5 Инструкции по оформлению диссертации, автореферата и публикаций по теме диссертации, утвержденной постановлением президиума Высшего аттестационного комитета Республики Беларусь от 24.12.1997 года № 178 (в редакции постановления Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 22.02.2006 года № 2).

Условия приема авторских материалов в журнал «Беларуская думка»

1. Принимаются рукописи, ранее не публиковавшиеся.
2. Редакция принимает рукописи в двух экземплярах (не ксерокопия), напечатанные шрифтом Times New Roman, 14-й кегль, межстрочный интервал – полуторный, объем статьи – до 10 страниц.
3. Статья должна содержать:
 - индекс УДК;
 - фамилию, имя, отчество автора (авторов), название статьи на русском и английском языках;

- резюме объемом 400–450 знаков на русском или английском языках;
- введение (с поставленными задачами), основную часть, заключение (с четко сформулированными выводами);
- список цитированных источников, оформленный в соответствии с требованиями ВАК Республики Беларусь.

4. Материал визируется автором.
5. Наличие электронного варианта статьи (дискета, компакт-диск, флеш-носитель).
6. Иллюстративный материал предоставляется отдельными графическими файлами.
7. Данные об авторе (0,5–1 страница): телефон, адрес электронной почты, место работы, должность, ученая степень, звание, сфера научных интересов.
8. Рецензия (внешняя или внутренняя).

Материалы, в которых не соблюдены перечисленные условия, не принимаются к рассмотрению редакцией. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция оставляет за собой право осуществлять отбор, дополнительное рецензирование и редактирование статей.